МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных науках

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«ИНО-Центр
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»,
реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ,
ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)
и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона
при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США),
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).
Точка зрения авторов данного издания
может не совпадать с точкой зрения доноров
и организаторов Программы.

Калининградский государственный университет

Балтийский межрегиональный институт общественных наук
«Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее»

Регион сотрудничества

Выпуск 14 (39)

Глобализация и регионализм: теория и проблемы калининградского эксклава

Калининград
Издательство КГУ
2004

УДК 338.24:911.3(470.26)
ББК 330.49(2Р31-4К)
Р 325

Редакционная коллегия:
А.П. Клемешев (общая редакция), *А.Г. Степанов*,
проф. *Г.М. Федоров*, проф. *В.Г. Барановский* (Москва),
проф. *С.Д. Козлов*, доц. *В.С. Корнеевец*,
проф. *С.В. Кортунов* (Москва), проф. *А.Е. Шаститко* (Москва).

Печатается по решению Совета научных кураторов
программы «Межрегиональные исследования в общественных науках»

Р 325 **Регион сотрудничества. Вып. 14 (39):** Глобализация и регионализм: теория и проблемы калининградского эксклава / Под общ. ред. А.П. Клемешева. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. – 51 с.
ISBN 5-88874-567-7

Очередной выпуск серии посвящен изучению вопросов специфики развития регионов в условиях глобализации. Авторы обсуждают перспективы существования национального государства в современном мировом пространстве.

Издание адресовано экономистам, политологам, специалистам в области регионального управления, бизнесменам – широкому кругу специалистов, исследующих место Калининградской области во взаимоотношениях России и ЕС.

УДК 338.24:911.3(470.26)
ББК 330.49(2Р31-4К)

Книга распространяется бесплатно

ISBN 5-88874-567-7

© Коллектив авторов, 2004
© АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2004

Содержание

От редакции 4

Клемешев А.П. Конфликтогенность эксклава на Балтике: историко-политические аспекты 5

Зверев Ю.М. Национальное государство в эпоху глобализации: конец или трансформация? 17

Зверев Ю.М., Клемешев А.П. Проблемы анклавных территорий . 25

Гареев Т.Р., Зверев Ю.М., Клемешев А.П. Глобализация и (не)однородность мирового пространства 33

От редакции

Содержание

Выпуск 14 (39) серии «Регион сотрудничества» подготовлен Балтийским межрегиональным институтом общественных наук при Калининградском госуниверситете в рамках проекта «Российская Балтика: приграничное сотрудничество и миграции населения».

В серии «Регион сотрудничества» продолжается публикация статей по проблемам взаимодействия Российской Федерации и стран зарубежной Европы, прежде всего Европейского союза, и особенно стран Балтийского региона. Особое внимание уделяется роли Калининградской области как пилотного региона сотрудничества. К обсуждению проблем общеевропейского сотрудничества приглашаются другие Межрегиональные институты общественных наук, Московский и Санкт-Петербургский ресурсные центры, а также все российские и зарубежные эксперты, занимающиеся данной проблематикой.

А.П. Клемешев

Конфликтогенность эксклава на Балтике: историко-политические аспекты

О понятийном аппарате исследования

Эксклавность как фактор, определяющий все основные проблемы жизнедеятельности и развития Калининградской области, осознана пока в недостаточной степени. На переднем плане обсуждения находятся проблемы транспортных коммуникаций через территории зарубежных стран при сообщении области с основной частью страны. Не менее важными являются внутри- и внешнеполитические, а также социокультурные проблемы развития российского эксклава на Балтике.

В теоретическом плане проблема эксклавности не проработана. При попытке найти аналогии в истории, становится ясным, что имеющимся историческим опытом воспользоваться трудно. Слишком невелико количество прецедентов, к тому же многие из них, в том числе и в Европе (Восточная Пруссия между мировыми войнами, Западный Берлин[1]), внушают мало оптимизма.

В какой-то мере может помочь зарубежный опыт управления эксклавными территориями, подобными Калининградской области. Но и здесь мы сталкиваемся, во-первых, с неразработанностью теории эксклавов, во-вторых, с существенной спецификой большинства из таких территорий по сравнению с Калининградской областью и, в-третьих, опять же с конфликтогенностью многих из них (Северная Ирландия, Гибралтар, Нахичевань, Кабинда, бывшие до недавнего времени экскла-

[1] Хотя Западный Берлин юридически не был частью ФРГ, но фактически он таковой являлся.

вами Гонконг, португальские колонии в Индии и Аомынь). *Эксклав* представляет собой «чистый» регион, в котором как бы накладываются и совпадают различные определения *региона* как социально-территориального феномена. На примере эксклавной территории мы имеем уникальный случай становления регионально-государственно-международной социально-экономической системы жизнедеятельности человека и общества в условиях, когда для региона значимым становится комплекс проблем глобального развития. Проблемами современной Калининградской области, в частности, являются асимметрии экономического развития, деградация окружающей природной среды, социальная дифференциация, проблемы многоуровневого согласования интересов, трансакций и внешних воздействий, привлечения и эффективного использования инвестиции и т. д.

Все эксклавы (анклавы) в силу их оторванности от основной территории соответствующей страны и соседства с зарубежными государствами в той или иной степени относятся к конфликтогенным территориям[2].

В этом отношении можно согласиться с К. Веллманном из Шлезвиг-Гольштейнского института исследований мира при Кильском университете, выполнившим в области ряд исследовательских проектов и претендующим на хорошее знание ситуации в регионе. Он считает, что российский эксклав на Балтике, Калининградская область, потенциально представляет собой конфликтогенный регион в связи с наличием здесь значительного конфликтного потенциала, в том числе в связи с расширением ЕС и НАТО. По его мнению, при определенных условиях (если найдутся заинтересованные в этом силы) Калининградская область может превратиться в еще один конфликтный узел[3]. Необходим мониторинг ситуации, чтобы предотвратить конфликт до его эскалации.

Нужно отметить, что территория нынешней Калининградской области еще до ее образования в течение столетий была эксклавом, и здесь разворачивались весьма острые политические конфликты, в том числе приводившие к войне. Полезно проследить, как возникали конкретные

---

[2] См.: *Зверев Ю.М.* Калининградская область в классификации анклавных (эксклавных) территорий мира. Калининград: Изд-во КГУ, 2003; *Зверев Ю.М., Клемешев А.П.* Об использовании зарубежного опыта в решении проблем развития калининградского эксклава // Регион сотрудничества. Вып. 3 (21). Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 23—35; *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 253 с.

[3] *Wellmann Chr.* Kaliningrad als Konfliktsyndrom. Die Friedens-Warte (Berlin). 2000. № 3—4. S. 391—406.

конфликты, чтобы, по возможности, дать рекомендации по регулированию нынешней ситуации.

При анализе воспользуемся опытом исследования М.М. Лебедевой, которая выполнила сравнительный анализ конфликтов и конфликтных ситуаций, разворачивавшихся примерно в одно и то же время (вторая половина XIX века) в разных местах[4]. Правда, мы рассмотрим одну и ту же территорию, но в разные исторические периоды. Наша цель заключается в том, чтобы показать, какие общие проблемы вызывает эксклавность и в чем специфика нынешней ситуации.

Анализ предполагает выявление специфики структурных и процедурных факторов (независимых и зависимых переменных), определяющих возможность воздействия на развитие конфликта. Эти факторы изучаются на трех уровнях анализа: на уровне индивида, отдельного государства, на глобальном уровне[5].

Применительно к проблемным ситуациям, связанным с эксклавами, определяющую роль играют структурные факторы.

На глобальном уровне речь может идти об аспектах международного права, касающихся эксклавов (в частности, гарантирующих обеспечение третьими странами их коммуникаций с основной частью страны).

На уровне государства — о международных договорах и соглашениях, касающихся обеспечения жизнедеятельности эксклавной территории; о государственной поддержке ее развитию.

На уровне индивида — о соблюдении прав человека на свободу передвижения, о компенсации расходов на преодоление эксклавных затрат.

Вместе с тем нельзя не учитывать и процедурные факторы.

На глобальном уровне существенную роль может играть общая политическая обстановка в мире (например, положение дел с терроризмом).

На уровне государства большое значение имеет политика, проводимая как страной, к которой принадлежит эксклав, так и соседними и третьими странами.

На уровне индивида немаловажно то, какими личными качествами обладают политические деятели, от которых зависит решение соответствующих вопросов, насколько активно защищает свои интересы население эксклава.

Кроме того, на наш взгляд (по крайней мере, при изучении эксклавов), необходимо дополнительно введение нового, регионального уров-

---

[4] См.: *Лебедева М.М.* Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5.

[5] См.: *Лебедева М.М.* «Воронка причинности» при исследовании мировых политических процессов // Полис. Политические исследования. 2002. № 5.

ня анализа. Это вполне соответствует взглядам о формировании новой политической структуры мира, характеризующейся:

1) развитием вширь и в глубь процесса глобализации и

2) увеличением количества и изменением качества акторов на мировой арене.

Действительно, «в современном мире государства все в большей степени вынуждены “делиться” своим суверенитетом, с одной стороны, с регионами и неправительственными организациями, а с другой — с межправительственными организациями»[6].

К структурным факторам регионального уровня относятся, в частности, межрегиональные структуры (например, широко распространенные в Европе еврорегионы). Это также законодательно закрепляемые взаимоотношения с общегосударственными органами власти.

Процедурные факторы — это, например, степень участия эксклава в межрегиональном сотрудничестве. А во взаимоотношениях с органами государственной власти более высокого уровня — конкретные права, закрепляемые законодательно согласно определяемым взаимоотношениям.

Несмотря на высокий уровень обобщения в ходе последующего изложения материала, для описания даже в наиболее общем виде конфликтов, связанных с рассматриваемой нами территорией, недостаточно анализа структурных факторов. Более того, с течением времени роль процедурных факторов, как показывает наш анализ ситуации применительно к рассматриваемому региону, возрастает (поскольку структурные факторы становятся более стабильными и прогнозируемыми).

Возникновение и развитие немецкого эксклава в юго-восточной Балтике

Первый период эксклавности рассматриваемой территории связан с процессом немецкой колонизации земель южного и восточного побережья Балтийского моря, где проживали не имевшие государственности западно-славянские и балтийские народы. Для обеспечения военной поддержки этой колонизации организуются крестовые походы, поводом к которым стало язычество народов Восточной Прибалтики. Римский папа в 1198 г. издает буллу, приравнивающую участие в христианизации «са-

---

[6] *Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю.* Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей / Полис. Политические исследования. 1999. № 4.

рационов севера» к крестовым походам. Для этой цели сначала (в 1202 г.) создается орден меченосцев, обосновавшийся в устье Западной Двины. А в 1226 г. в Пруссию был приглашен Тевтонский (Немецкий) орден, до этого защищавший восточные рубежи Венгрии от половцев. Этот орден получил в аренду от поляков земли по правобережью Вислы (район Торуня) и в 1233 г. организует первый крестовый поход в Пруссию, которую окончательно покоряет к 1283 г. На ее территории создается орденское государство, и в 1309 г. сюда переносится столица ордена.

Орден стал обеспечивать немецкую колонизацию в Прибалтике. После захвата им земель западных балтов — пруссов сюда начинается переселение большого числа немцев (а также французов, голландцев). На этнической карте образуется немецкий эксклав, отделенный от основной части заселенных немцами земель территорией королевства Польша. До конца XVIII века здесь формировалась немецкая этнографическая общность пруссаков[7]. Но с точки зрения государственности эксклавность отсутствовала. Это было самостоятельное орденское государство, которое даже не входило в состав Германской империи («Священной римской империи немецкой нации»).

Одновременно Тевтонский орден превращается в военную силу, защищавшую интересы немецкой Ганзы[8]. Кенигсберг, ставший членом Ганзейского союза, стал выполнять посреднические функции в торговле с европейским Востоком, хотя в целом торгово-экономическое значение городов ордена было не слишком велико.

В 1309 г. все южное побережье Балтийского моря оказывается под немецким господством. Тем не менее полного смыкания этнических территорий основной части Германии и Пруссии не произошло: они были разделены узкой полосой польского населения. И с точки зрения государственности Пруссия и соседствовавшая с ней на западе Померания были разными государствами (последняя, в отличие от Пруссии, входила в состав Германской империи). В городах здесь действовала одна из разновидностей немецкого права — Кульмское право.

Итак, немецкая колонизация прусских земель привела к возникновению немецкого анклава внутри славянских и балтских земель. Дальнейшая немецкая экспансия обеспечила смыкание германских государств и уменьшение эксклавности. Следовательно, в определенной мере проблема эксклавности *с немецких позиций* снимается (уменьшаясь по мере дальнейшей ко-

---

[7] *Восточная Пруссия.* Калининград: Кн. изд-во, 1996. С. 188.

[8] Тевтонский орден включил в 1237 г. в свой состав разбитый литовцами орден меченосцев. До 1466 г. в Прибалтике стал существовать только один Тевтонский орден с отделениями в Пруссии и Ливонии.

лонизации немецкими переселенцами северных польских земель). Вместе с тем усиливается немецко-польский и немецко-литовский конфликт.

В конце XV века Ганза, против которой консолидируются балтийские государства, ослабевает. Теряет силу и Тевтонский орден, потерпевший в 1410 г. сокрушительное поражение в Грюнвальдской битве против польско-литовского государства (объединившего поляков и литовцев в борьбе против немецкой военной и экономической экспансии[9]). Польско-литовское государство одерживает новые победы, отбирая у ордена часть завоеванных им ранее земель.

В 1466 г. (второй Торуньский мир) Польша получает выход на Балтику. Орденское государство (из которого выделился Ливонский орден) оказалось в вассальной зависимости от польского короля. Пруссия вновь превращается в немецкий эксклав. В этот период поляки не воспользовались представлявшейся возможностью присоединения прусских земель, хотя в 1525 г. орденское государство упраздняется и учреждается Прусское герцогство.

Польша решает проблему выхода к морю и возвращения части принадлежавших ей ранее земель. Но вновь возникает конфликт, связанный с разрывом сухопутных связей Пруссии с другими немецкими государствами, конфликт эксклавности.

Дальнейшее развитие событий в регионе определяется тем, что Польша слабеет, а один из ее западных соседей, немецкий Бранденбург, все более усиливается. Этнокультурные и экономические связи соединяют Пруссию с немецкими государствами. Усиление политических связей с Бранденбургом привело к ослаблению зависимости герцогства от постепенно слабевшей Польши. В 1603 г. правление Пруссией перешло в руки бранденбургских курфюрстов, а в 1618 г. Бранденбург и Пруссия объединились в единое государство, в котором доминировал Бранденбург. Впоследствии все это государство стало называться Пруссия, и в его состав входила провинция Пруссия (бывшее Прусское герцогство). С этого времени можно говорить об этой территории как об эксклаве в полном смысле, то есть как о части государства, отделенного от основной его территории зарубежными странами, в данном случае Польшей.

Объединенная Пруссия преодолела эксклавное положение своей провинции в 1772 г. после первого раздела Польши между Россией, Австрией и Прусским государством. Провинция (занимавшая территории бывшего орденского государства, а затем Прусского герцогства) была разбита на две части — Восточную Пруссию и Западную Пруссию (впоследствии они иногда соединялись в единое целое).

---

[9] Кревская уния 1385 г.

Пруссия преодолевает конфликт, связанный с эксклавностью, политическим путем, вступая в коалицию с Россией и Австрией, вместе с которыми она осуществляет насильственный раздел Польши.

В 1871 г. Пруссия, подчинив другие немецкие государства, образовала Германскую империю. В 1878 г. окончательно разделились на самостоятельные провинции Восточная и Западная Пруссии. Восточная Пруссия стала самостоятельной провинцией со столицей в Кенигсберге, с территорией около 37 тыс. км^2 и населением более 1,7 млн человек.

Правда, единый немецкий этнический массив разделяет территория с преобладающим польским населением. Эту проблему Пруссия решает дальнейшим переселением немецкого населения и ассимиляцией проживающих на балтийском побережье поляков. Тем не менее даже на немецких картах, отражающих этнический состав населения перед Первой мировой войной, на балтийском побережье показана разделяющая сплошной массив немецкого населения этнографическая группа поляков — кашубы[10].

Поражение Германии в Первой мировой войне 1914—1918 гг. и Версальский мир 1919 г. привели к тому, что Восточная Пруссия вновь оказалась немецким эксклавом, отрезанным от основной части Германии польскими землями.

Решается проблема восстановления польской государственности; Польша возвращает выход к Балтийскому морю. Однако вновь возникает проблема эксклавности Восточной Пруссии. Полученные Польшей земли на побережье Прибалтики (особенно города) в значительной мере заселены немецким населением.

Экономико-географическое положение Восточной Пруссии в силу ее эксклавного положения резко ухудшилось. Важнейший источник доходов — торговля с Россией — был потерян. Экономика эксклава изолируется, что привнесло значительные трудности в развитие этого и ранее не самого развитого региона Германии. Государство было вынуждено оказывать ей поддержку. Для решения проблем создается Восточно-Прусская служба при императорском и государственном министерстве. Центральным правительством Германии разрабатывается специальная программа «Восточная Пруссия». Выделяются средства на развитие аграрного сектора. Осуществляются меры по модернизации производственной инфраструктуры региона, расширяется порт.

Фактором более успешного развития региона стало установление тесных экономических связей с соседними регионами других стран и развитие транзитной торговли между Востоком и Западом. В Кёнигс-

---

[10] *Atlas* zur Geschichte der deutschen Ostsiedlung. Bielefeld — Berlin — Gannover: Velhagen & Klasing, 1958. S. 18—19.

бергском порту создается «вольный город» и разрешается беспошлинное хранение грузов, а также неограниченное строительство любых промышленных сооружений.

Экономически и политически усиливающаяся Германия добивается значительных уступок от Польши в организации транзита через так называемый «польский коридор». Однако приход к власти в Германии фашистов (*процедурный фактор*) приводит к превращению конфликтной ситуации во все более обостряющийся немецко-польский конфликт, в котором проблема транзита между Восточной Пруссией и основной частью страны становится одним из поводов, позволяющим фашистской пропаганде создавать в стране антипольское общественное мнение. Экономика Восточной Пруссии милитаризуется, и регион все больше превращается в военный плацдарм для будущей войны на Востоке.

В 1939 г. после поражения Польши в развязанной Германией войне эксклавность региона преодолевается военным путем. Но начавшаяся с нападения Германии на Польшу Вторая мировая война, приведшая к полному поражению Германии, делает этот период истории Восточной Пруссии (1939—1945 гг.) ничтожным. Вместо преодоления эксклавности территории Германия полностью ее утеряла.

Эксклавность Восточной Пруссии вызывала дополнительные затраты государства на обеспечение жизнедеятельности ее экономики, которая могла успешно развиваться только при налаженных связях с соседями, выполняя функции в обслуживании торговли между Востоком и Западом.

Российский эксклав на Балтике

В пригороде Берлина — Потсдаме 17 июля — 2 августа 1945 г. состоялась конференция глав государств СССР, США и Великобритании, на которой обсуждались вопросы послевоенного устройства Европы. На конференции было принято решение о передаче части территории Восточной Пруссии Польше, а Кёнигсберга и прилегающего к нему района — Советскому Союзу[11].

Немецкий эксклав был ликвидирован. В сентябре 1945 г. — апреле 1946 г. на этой территории существовал Кёнигсбергский особый воен-

[11] Окончательно решен вопрос о принадлежности территории области Советскому Союзу статьей 1 Договора «Об окончательном урегулировании в отношении Германии» во время переговоров «2+4» (ФРГ, ГДР + СССР, США, Великобритания, Франция) в 1990 г. (ФРГ — то же самое государство, которое подписывало договор, а РФ является правопреемником СССР).

ный округ. Седьмого апреля 1946 г. в составе Российской Федерации была образована Кёнигсбергская область, переименованная 4 июня 1946 г. в Калининградскую. На берегах Балтики возник эксклав РСФСР.

Калининградская область относится к немногим регионам страны, население которых сформировалось за счет организованного переселения, начавшегося в 1945 г. и принявшего массовые масштабы после утверждения в августе 1946 г. специальной программы. Немецкое население, насчитывавшее в 1939 г. 1,17 млн жителей, или эвакуировалось вместе с отступавшими немецкими войсками, или в соответствии с решением Потсдамской конференции было выселено в 1948—1951 гг. в Германию.

В связи с переселением на эту территорию жителей преимущественно из областей Российской Федерации, здесь формируется этнический русский эксклав (но, по данным переписи 2002 г., 18 % населения относится к другим национальностям: белорусам, украинцам, литовцам и др.). В экономическом плане эксклавность области была не слишком велика, поскольку основная часть региональной экономики подчинялась общесоюзным министерствам. Однако гарнизонный характер области (которая, например, была полностью закрыта для посещения иностранцами) усиливал ее специфику.

С сентября 1991 г., после признания Советским Союзом выхода Прибалтийских государств, включая Литву, из своего состава, область стала советским эксклавом, а после распада СССР в декабре 1991 г. — эксклавом Российской Федерации. Условия не только развития, но и жизнеобеспечения области усложнились. Вокруг региона вновь обострилась конфликтная ситуация.

Смягчить остроту ситуации, уменьшить эксклавные затраты и обеспечить реструктуризацию экономики области в соответствии с изменившимися условиями помог режим сначала свободной, затем Особой экономической зоны[12], а также целевая финансовая поддержка[13].

---

[12] Положение о свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ «Янтарь») было утверждено Постановлением Совета Министров РСФСР от 25.09.1991 г. А 22.01.1996 г. принят федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области».

[13] В 1994—1996 гг. области был предоставлен налоговый кредит в размере 200 млрд неденоминированных рублей сроком на 5 лет. С 1998 г. на территории области реализовывалась федеральная целевая программа «Развитие ОЭЗ в Калининградской области» на 1998—2005 гг. К сожалению, эта программа почти не финансировалась, и в 2001 г. вместо нее утверждена программа «Развитие Калининградской области на период до 2010 г.», реализуемая более успешно.

Внешние условия развития области в последнее время вновь резко меняются. С вхождением в 2004 г. Прибалтийских стран в НАТО Калининградская область стала российским анклавом внутри этой военно-политической организации. А после вступления 1 мая 2004 г. этих стран и Польши в ЕС — и анклавом, окруженным странами Евросоюза. Поэтому необходимо оценить, какие меры должна принять Российская Федерация для жизнеобеспечения своего эксклава в новых условиях и предотвращения угрозы того, что область станет депрессивным регионом, изолированным от основной части страны внутри развивающегося Европейского союза.

Ситуация для Калининградской области усложняется и тем, что ожидаемое вступление России в ВТО может привести, во-первых, к отмене режима ОЭЗ как несоответствующего требованиям этой организации — если иное не будет предусмотрено в результате переговоров, ведущихся российскими представителями об условиях вступления России в ВТО. Во-вторых, снижение импортных тарифов после вхождения Российской Федерации в ВТО уменьшит эффективность нынешнего режима свободной таможенной зоны как фактора развития импортозамещения в регионе (правда, это произойдет не сразу, а после некоторого переходного периода).

Главное своеобразие Калининградской области сейчас определяется не ее размерами или структурой экономики, а геополитическим положением. Область, оставаясь частью экономического, политического и правового пространства России, становится анклавом внутри расширяющегося и интегрирующегося Евросоюза. В этом смысле ситуация, в которой находится российский эксклав на Балтике, уникальна.

Калининградская область принципиально выделяется среди всех субъектов Российской Федерации. Правда, есть мнение, что область может быть поставлена в один ряд со многими окраинными территориями России (такими, как Сахалин, Камчатка и пр.), и предлагается подготовить специальный документ, их касающийся[14]. Но удаленность и эксклавность — разные категории. Жителям Камчатки не требуется разрешение зарубежных стран для того, чтобы отправиться на «материк». Здесь не возникнет международных конфликтов, связанных с транзитом пассажиров и грузов, хотя государству и приходится платить надбавки к зарплате.

Удаленность — категория экономическая, а эксклавность — политическая. Поэтому для Калининградской области и требуется не только особый экономический режим (его обеспечивает сейчас закон об ОЭЗ),

---

[14] См.: *Ивченко В.В.* Программно-стратегическое развитие приморского региона России: теория, методология, практика. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

но и специфика организации управления регионом, федеральная политика по отношению к области, международное соглашение об условиях ее жизнедеятельности. То есть подход к решению проблем жизнеобеспечения и развития эксклавного российского региона должен быть более комплексным, учитывающим всё многообразие переплетающихся здесь интересов — общероссийских, региональных, международных[15].

Комплексный подход к региону предполагает разработку документов, создающих институциональную основу устойчивого развития области.

На федеральном уровне:

Важнейшими элементами федеральной политики по отношению к Калининградской области являются *законодательное обеспечение* и *финансовая поддержка* регионального развития. Соответствующие функции сейчас выполняют закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» и федеральная целевая программа (ФЦП) «Развитие Калининградской области на период до 2010 года».

Длящаяся уже несколько лет дискуссия по поводу нового закона об ОЭЗ (согласно которому принята и ФЦП) показывает, что однозначное мнение по поводу его оптимального содержания отсутствует. К тому же закон об ОЭЗ не охватывает всего круга проблем развития эксклавной российской области в зарубежном окружении. Поэтому вместо попыток совершенствования закона об ОЭЗ более перспективным представляется разработка и принятие закона «О Калининградской области», охватывающего весь спектр экономических, социальных и политических проблем регионального развития. Тем самым будет найдена форма закрепления федеральной политики по отношению к Калининградской области, — эту функцию будет выполнять федеральный закон.

На международном уровне:

Договор между РФ и ЕС об условиях жизнеобеспечения и развития Калининградской области как региона взаимного сотрудничества, а также заключение других договоров и соглашений со странами Балтийского региона и Белоруссией.

---

[15] См.: *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Особая территория России: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 360 с.; *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Остров сотрудничества: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 326 с.; *Клемешев А.П., Федоров Г.М.*. Развитие Калининградской области в условиях российско-европейского взаимодействия на Балтике. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. 32 с.; *Концепции* развития Калининградской области в условиях российско-европейского взаимодействия на Балтике / Под ред. А.П. Клемешева // Регион сотрудничества. Вып. 8 (33). Калининград: Изд-во КГУ, 2004. 95 с.

На региональном уровне:

Совершенствование регионального законодательства и уменьшение административных барьеров развития предпринимательства.

Особенно сложен вопрос о специальном политическом статусе для региона, поскольку сразу возникает мысль о возможном сепаратизме, о постепенном «дрейфе» области от России. Именно эти возражение привели к отказу от придания области особого статуса в 1992—1996 годах, когда соответствующие предложения активно обсуждались областными законодателями[16]. А в настоящее время, помимо этого, предложения о каком-либо особом статусе области противоречат нынешней тенденции к унификации российских регионов — субъектов Федерации и укреплению вертикали власти. Для их воплощения требуются изменения действующей Конституции Российской Федерации.

Хотя большинство экспертов (включая автора данной статьи) и утверждает, что нынешнее геополитическое положение области имеет не только минусы, но и плюсы, относиться к таким высказываниям нужно взвешенно. Конечно, можно надеяться на развитие области как «пилотного» региона взаимодействия России и ЕС на Балтике, как региона сотрудничества[17]. Однако следует признать, что конфликтная ситуация, вызванная эксклавностью области, пока не нашла своего разрешения.

Более того, проведенный анализ показывает, что эксклавность — это всегда конфликтная ситуация и очень часто конфликт, причем нередко возможно его перерастание в вооруженный конфликт. И разрешение конфликтов, обусловленных наличием эксклавов, крайне сложно. Более того, в отношении территории нынешней Калининградской области конфликт, возникший с завоеванием Тевтонским орденом прусских (а затем и части польских) земель, так и не разрешен до настоящего времени. И его разрешение возможно только тогда, когда будет достигнута общеевропейская политическая общность, и на смену межгосударственным все в большей мере будут приходить межрегиональные отношения.

---

[16] См.: *Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* Калининградские альтернативы / Калинингр. ун-т. Калининград, 1996. С.80.

[17] Именно так называется официальная стратегия развития области (в разработке которой автор принимал участие): *Стратегия* социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года / Администрация Калинингр. области. Калининград, 2003. 98 с.

Ю.М. Зверев

Национальное государство в эпоху глобализации: конец или трансформация?

В 1648 г. был заключен Вестфальский мирный договор. Он положил конец кровопролитной Тридцатилетней войне и покончил с преобладавшим в Европе во времена Священной Римской Империи господством кланов, семейств, городов-государств, герцогств и княжеств. На смену им пришла новая модель политического устройства — система национальных государств (*nation-states*) с централизованным управлением. В дальнейшем по мере открытия и колонизации европейцами других континентов *Вестфальская система (модель)* распространилась и на них, став мировой.

В Вестфальской системе государства, контролирующие определенную территорию с населяющими ее людьми, обладают суверенитетом, самостоятельно определяют внутреннюю и внешнюю политику, поддерживают дипломатические отношения[1] и не признают никакой вышестоящей власти. Юридически и формально все государства обладают равными правами, хотя на практике нередко действовало «право сильного» по принципу «победителя не судят».

Вестфальская модель международного права и международных отношений в настоящее время подвергается эрозии под воздействием набирающих силу процессов глобализации и регионализации[2]. Как отме-

---

[1] Именно после Вестфальского мира в Европе стал налаживаться обмен послами как официально аккредитованными представителями государства, возникли постоянные дипломатические представительства и были приняты законы о дипломатическом иммунитете.

[2] Иногда даже утверждается, что Вестфальская система вообще прекратила существовать еще в 1945 г.

чает немецкий исследователь *Ульрих Бек (Ulrich Beck)*, «мировое общество, которое образовалось в процессе глобализации во многих сферах, а не в одной только экономической, ослабляет, ставит под сомнение могущество национального государства, вдоль и поперек пронизывая национальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией социальных зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения»[3]. Сейчас «фактически все государства постепенно переплелись с функциональными частями более крупной модели глобальных преобразований и глобальных потоков»[4]. Мир национальных государств, контролирующих определенные территории с более или менее четкими границами, оказывается вплетенным в многообразные глобальные сетевые структуры, которые не признают границ и для которых территориальная и национальная привязка того или иного узла сети не имеет принципиального значения[5].

В новых условиях государственный суверенитет, который ранее считался незыблемым, подвергается ограничениям как «сверху», так и «снизу». По мнению американского социолога *Дэниела Белла (Daniel Bell)*, высказанному им несколько десятилетий назад в книге «Конец идеологии» (The End of Ideology, 1960), это связано с тем, что государства слишком малы, чтобы решать действительно большие проблемы, и слишком велики, чтобы эффективно решать малые проблемы.

«Сверху» государственный суверенитет ограничивают международные соглашения, межгосударственные[6] и неправительственные организации, транснациональные корпорации и банки (ТНК и ТНБ) и другие наднациональные структуры.

Возникли и набирают силу международные механизмы управления различными аспектами глобальных отношений. Сейчас действует около 34 тыс. международных соглашений. Численность межгосударственных организаций приближается к 3 тыс., а международных неправительственных организаций превысила 5 тыс. Число ежегодно проводимых межправительственными организациями конгрессов и конференций

---

[3] *Бек У.* Что такое глобализация? / Пер с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 14—15.

[4] *Хелд Д.* и др. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Пер. с англ. М.: Праксис, 2004. С. 57.

[5] Яркий пример — сеть Internet.

[6] Особую роль здесь играют система ООН, так называемые «три сестры» (Всемирный банк, МВФ, ВТО), а также региональные интеграционные группировки (в первую очередь ЕС).

приблизилось к 4 тыс. (в середине XIX в. — две-три в год). Существенно увеличилась доля национального законодательства, совпадающего с международными юридическими стандартами или соответствующего им. Субъектами международного права являются не только государства, но и индивиды и группы (режим прав человека). На смену невмешательству во внутренние дела государств приходят так называемые «гуманитарные интервенции» с санкции ООН (а иногда, как в случае с бывшей Югославией в 1999 г., — и без нее). Принятая в 2002 г. «Стратегия национальной безопасности» США предполагает возможность односторонних действий, вплоть до смены правящего режима стран, которые, по мнению Вашингтона, могут *в будущем* представлять угрозу Америке или укрывают на своей территории группу, считающуюся *потенциальной* угрозой для Америки. Впервые эта стратегия была опробована в Ираке, оккупированном США в 2003 г. под фальшивым предлогом того, что режим Саддама Хусейна якобы располагает оружием массового уничтожения.

В мире насчитывается 61 тыс. ТНК, численность их зарубежных филиалов превышает 900 тыс.[7]. По своей экономической мощи наиболее крупные ТНК превосходят многие государства мира. Если разместить в одном списке 100 крупнейших экономических единиц мира, то только 49 из них — это государства, а 51 — корпорации (2000 г.). Выручка, например, компании «Ройал Датч Шелл» больше, чем ВВП Венесуэлы; выручка торговой компании «Уолл-Март» больше, чем ВВП Индонезии; а выручка «Дженерал Моторс» приблизительно того же размера, что ВВП Ирландии, Новой Зеландии и Венгрии, вместе взятых[8]. При этом ТНК действуют не сами по себе, а выступают необходимым компонентом транснациональных сетей производства, который не может работать без остальной части сети[9].

Экономическая глобализация, т. е. возникновение и расширение сетей глобального производства и распределения товаров и услуг, а также финансовая глобализация, не ослабляют формальный или юридический суверенитет государств (это могут сделать только другие государства). Но она ограничивает их *операционный* суверенитет, т. е. способность

---

[7] См.: *Доклад* о мировых инвестициях 2004. Обзор. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк и Женева, 2004. С. 5. http://www.unctad.org/ru/docs/wir2004overview_ru.pdf

[8] Globalisation: Implications and Opportunities. Editor: Grahme Whiting. Business Strategy Unit. P.22. http://www.dpi.qld.gov.au/extra/pdf/business/globalisation.pdf

[9] *Кастельяс М.* Глобальный капитализм и Россия. http://www.archipelag.ru/geoeconomics/soobshestva/power-identity/capitalism/

правительств использовать суверенитет для осуществления самостоятельной государственной (прежде всего экономической) политики.

«Снизу» государственный суверенитет ограничивается активно выходящими на международную арену регионами — как внутригосударственными, так и трансграничными (в Европе это так называемые «еврорегионы»[10]). Процесс повышения роли внутригосударственных регионов в мировой политике и экономике чаще всего определяется как «регионализация». Наиболее активно регионализация развивается в зарубежной Европе, где она положила начало такому новому феномену, как «Европа регионов»[11].

Процессы ограничения (или размывания) государственного суверенитета «сверху» и «снизу» объективно снижают роль государств в мировой политике и экономике. Некоторые авторы, как, например, японец *Кеничи Омае* (*Kenichi Ohmae),* вообще считают, что в результате глобализации отдельные страны превратились в фикцию, что эпохе суверенных государств пришел конец. Одна из книг *Омае* так и называется «Конец национального государства» (The End of the Nation State, 1995). Как и ряд других авторов, он утверждает, что через два-три десятилетия национальные государства будут в значительной степени заменены городами-государствами. Разделяющая точку зрения об упадке национальных государств *Сюзан Стрейндж (Susan Strange)* пишет о том, что «безликие силы мировых рынков более могущественны, чем государства, которым якобы принадлежит высшая политическая власть… Уменьшение влияния государств находит отражение в том факте, что власть все больше переходит к другим институтам и объединениям, к местным и региональным органам»[12]. Список подобных высказываний можно было бы продолжать еще очень долго.

Сторонники теории конца национальных государств полагают, что они как первичные экономические и политические образования мирового сообщества будут постепенно вытеснены новыми формами социальной организации. Какими? Здесь существует широкий спектр мнений — вплоть до создания так называемого Единого мира *(One World)* и мирового правительства (*мондиализм*).

---

[10] Считается, что первым еврорегионом стал EUREGIO, основанный в 1958 г. на немецко-голландской границе в районе городов Энсхёде (Нидерланды) и Гронау (ФРГ). К настоящему времени в Европе существует почти 80 еврорегионов и подобных им трансграничных регионов.

[11] См. подробнее: *Зонова Т.В.* От Европы государств к Европе регионов? // Полис. www.politstudies.ru/fulltext/1999/5/16.htm; *Мохова Е.В.* «Европа регионов»: сущность феномена http://www.elis.pstu.ac.ru/mokhova.htm и др.

[12] *Хелд Д.* и др. Указ. соч. С. 4.

Однако оппоненты этого подхода считают идею мирового правительства нереалистичной. Они думают, что речь надо все же вести скорее о трансформации национальных государств, их приспособлении к меняющемуся глобальному миру. Ранее упоминавшийся *У. Бек* утверждает, что «(национальное) государство вовсе не устарело, без него даже нельзя обойтись; оно необходимо не только для того, чтобы обеспечивать внутреннюю политику и геополитику, политические права и т. п., но и для того, чтобы политически оформлять процесс глобализации, транснационально его регулировать»[13]. В то же время в качестве перспективы он предлагает *транснациональное государство. У. Бек* проводит аналогию между религиозными гражданскими войнами XVI в. и националистическими мировыми войнами XX в. Ответом на первые стал Вестфальский мир с его отделением государства от церкви. Ответом на вторые, по мнению У. Бека, может стать о*тделение государства от нации*[14]. Транснациональные государства, по *У. Беку* — это не *межнациональные* или *наднациональные* государства. Это *глокальные* государства, «которые, согласно принципу включающего (инклюзивного) различения, рассматривают себя как провинцию мирового общества…»[15].

Данная концепция представляется нам несколько туманной, а ее реализация (если она вообще когда-нибудь произойдет) — делом неблизкого будущего. Нам ближе подход директора Лондонской школы экономики *Энтони Гидденса* (*Anthony Giddens*), который считает, что государства все еще обладают могуществом и что роль политических лидеров в мире по-прежнему велика[16]. По его мнению, идея, что национальное государство приближается к концу, откровенно неверна. Но национальные государства изменяют свои административные формы, интегрируясь с формами управления, существующими выше национального уровня, и одновременно сдвигаясь в сторону региональной автономии на субнациональном уровне. Это не означает, что национальные государства становятся менее мощными. Это значит, что они меняют природу суверенитета, природу административного контроля над политической властью, которым они обладали до этого[17]. Национальное государ-

---

[13] *Бек У.* Указ. соч. С. 189.

[14] *Бек У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль-XXI. 2004. № 7. http://www.postindustrial.net/doc/free/Beck.doc

[15] *Бек У.* Что такое глобализация? С. 192.

[16] *Гидденс А.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2004. С. 34.

[17] Directors lecture. 14 November 2001. http://www.lse.ac.uk/collections/meetthedirector/pdf/14-Nov-01.pdf

ство сохранит в обозримом будущем значительную часть своих административных, экономических и культурных функций (как внутри страны, так и на внешней арене). Но одновременно возрастет вклад в государственное управление различных неправительственных объединений, деловых корпораций и других групп[18].

Одна из причин того, что национальное государство еще долго будет оставаться одним из важнейших акторов мировой политики, как нам представляется, заключается в том, что факторы и институты, ограничивающие государственный суверенитет как «сверху», так и «снизу», имеют свои ограничения. Эти ограничения и не позволят им (по крайней мере в ближайшие десятилетия) отправить национальные государства «на свалку истории».

Так, межгосударственные организации в их нынешнем виде не могут, по нашему мнению, заменить национальные государства из-за таких «родовых болезней», как неопределенность прерогатив и компетенции, отсутствие ясных критериев эффективности и реальных механизмов общественного контроля над ними. Данные структуры постепенно начинают жить по своей внутренней логике, все больше бюрократизируясь (пример этого — структуры управления ЕС). Складывается класс международных чиновников, которые не столько решают реальные глобальные проблемы, сколько изобретают псевдопроблемы для самолегитимации своей деятельности и перекачки национальных ресурсов на собственные нужды.

Говоря об отношениях ТНК и «материнских» государств, следует признать, что они весьма противоречивы. Но все же, несмотря на это, преобладающей тенденцией является симбиоз транснационального бизнеса и государства, а не антагонизм. Государство поддерживает экспансию «своих» ТНК при помощи экономических, финансовых, политических, а иногда и военных рычагов. А ТНК, в свою очередь, выступают в качестве инструментов распространения экономического, политического и социокультурного влияния «материнских» стран. Особенно это характерно для США. Так, *М.Г. Делягин* отмечает, что «американские ТНК и государство, как правило, преследуют единые общенациональные цели, помогая друг другу решать соответственно преимущественно экономические и политические задачи. При решении коммерческих задач государство выступает в роли «младшего партнера», а при деятельности во всех остальных направлениях в роли ведомого выступает бизнес»[19].

---

[18] *Малкин В.* Интеллектуальный лидер британских лейбористов о государстве и обществе в эпоху глобализации. Лондонская школа экономики и ее директор // Полис. 2003. № 5. http://www.politstudies.ru/fulltext/2003/5/16.htm

[19] *Делягин М.Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 282.

ТНК, будучи глобальными по пространственному размаху своей деятельности, отнюдь не космополитичны. Можно согласиться с *М.Г. Делягиным*, который пишет: «Интересы самой транснациональной корпорации, как правило, соответствуют интересам ее «страны базирования». Именно эта страна, иногда скрытая, и воспринимается транснациональной корпорацией как ее «родина»[20]. Не глобальны ТНК и по капиталу. Как указывает *И.Г. Владимирова,* «кроме нескольких многонациональных по капиталу компаний, во всех остальных ядро собственности базируется на капитале одной, а не разных стран. Так, в соответствии с рейтингами, опубликованными в газете Financial Times в 2001 году (Global 500), в число 500 ведущих мировых компаний вошло только 5 со смешанным капиталом разных стран. В качестве крупнейших из них можно назвать англо-голландские компании Royal Dutch Shell и Unilever»[21]. В целом ТНК — не столько конкуренты национальных государств, сколько их дополнения, формирующие новое измерение глобальной реальности — географически протяженные мощные транснациональные сети координированного производства и распределения продукции[22].

Прямое сравнение объемов продаж и ВВП отдельных стран не вполне корректно. Масштабы могут быть сопоставимы. Но государства могут то, что не может ни одна, даже самая крупная фирма. Только они контролируют территории. Только государства могут легально использовать вооруженное насилие как внутри, так и вовне (в том числе и для защиты «своих» ТНК). Материнские страны формируют юридические рамки деятельности «своих» корпораций и добиваются их соблюдения. Известно немало случаев, когда государства запрещали слияния компаний или, наоборот, «дробили» их на несколько частей во исполнение антимонопольного законодательства. Да и принимающие государства отнюдь не столь бесправны в отношениях с ТНК, как это может показаться (особенно если речь идет о крупных странах, например КНР).

Если говорить о регионализации, то, по нашему мнению, следует говорить не о переходе от мира государств к миру регионов или городов-государств. Речь должна идти о нахождении оптимального баланса компетенций между центром и региональными властями, оптимальной степени функциональной автономии региональных и местных органов вла-

---

[20] Там же. С. 255.

[21] См.: *Владимирова И.Г.* Исследование уровня транснационализации компаний // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. №6. http://koi.cfin.ru/press/management/2001-6/12.shtml

[22] См. подробнее: *Хелд Д.* и др. Указ. соч. С. 277—334; *Dicken P.* Global Shift: Transforming the World Economy. 3rd ed. L: Paul Chapman Publishing Ltd, 2001.

сти. Очевидно, что тут не может быть каких-то общих схем. В разных странах разделение компетенций и функций центра и регионов различается, и будет различаться. Но в идеале должен соблюдаться принцип — каждый уровень (национальный, региональный, местный) власти должен отвечать за то, что он может сделать наиболее эффективно. А то, что более эффективно делать совместно, — должно делаться совместно. Перекос в сторону как чрезмерной централизации, так и чрезмерной децентрализации попросту невыгоден и приводит к бесполезной трате сил и ресурсов.

К тому же, несмотря на рост автономии субнациональных и трансграничных регионов, они все еще не располагают (и вряд ли будут располагать в ближайшем будущем) ресурсами, достаточными для того, чтобы взять на себя функции нации-государства. Мы поддерживаем тезис, согласно которому «маловероятно, что будущая Европа будет состоять из многочисленных самостоятельных регионов: именно государство и впредь будет собирать налоги, содержать армию, оно будет решающим образом влиять на характер европейских отношений и попрежнему останется единственным проверенным институтом защиты справедливости и других человеческих ценностей»[23]. И это верно не только для Европы, но и для мира в целом.

Кроме того, реализация проектов радикальной регионализации может привести к опасным геополитическим «перетряскам». Разрушение прежних «больших пространств», как показывает недавний опыт, далеко не всегда прогрессивно. Например, в зарождающихся демократиях регионализация зачастую способствует произволу местных властей.

Таким образом, глобализация не лишает национальные государства власти, а ведет к новому партнерству между сферами экономики и политики[24]. В результате глобальных процессов правительства трансформируются из главных институтов мирового порядка в институты посреднические, чья роль заключается прежде всего в обеспечении связей между укрепляющимися локальными, региональными и глобальными механизмами управления. Государства, несмотря на определенную трансформацию функций, будут все еще долго оставаться важными мировыми акторами.

---

[23] *Newhause J.* Europe's rising regionalism // Foreign Affairs. 1997. V. 76. № 1. P. 67—85.

[24] *Шремпп Ю.* 10 тезисов к вопросу о глобализации. http://www.voy.com/6788/305.html

Ю.М. Зверев, А.П. Клемешев

Проблемы анклавных территорий

Сюзане Нис[1] полагает (и с ней можно согласиться), что всем анклавам свойственны четыре группы проблем, связанные с:

1) доступом;
2) политическим руководством;
3) экономикой;
4) особенностями идентичности (по сравнению с «материнской» страной).

Доступ в анклавы (эксклавы), их связь с «материнским» государством имеет для них жизненно важное значение. Этот вопрос может послужить и нередко служит источником серьезных конфликтов. Достаточно вспомнить ситуацию с так называемым «польским коридором», отделявшим перед Второй мировой войной Восточную Пруссию от остальной части Германии, или блокаду Западного Берлина и проблемы доступа в него из ФРГ[2]. Но и сейчас, когда границы в условиях глобализации постепенно утрачивают свои барьерные функции, проблемы доступа в анклавные (эксклавные) территории из метрополии далеко не стали бесконфликтными и легко решаемыми. Проблемы связей калининградского эксклава с основной частью России и режима поездок в соседние страны серьезно осложнили в 2002 г. отношения между Российской Федерацией и ЕС. В 2004 г. к ним добавились грузовые транзитные проблемы. И хотя некоторые компромиссные решения все же были найдены, ситуация, как представляется, далека от удовлетвори-

---

[1] *Нис Сюзане.* Калининград — не единственный анклав // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 1. С. 90—109.

[2] Западный Берлин, де-юре не бывший частью ФРГ, де-факто являлся западногерманским эксклавом внутри ГДР.

тельной и чревата новыми проблемами и конфликтами. Очередное усиление изоляции области от остальной России уже на пороге. С 1 января 2005 г. поездка в другие регионы России через Литву будет невозможна без заграничных паспортов, которые сейчас имеют только около 40 % калининградцев. Аналогичным образом нельзя будет проехать по суше без заграничного паспорта в Калининградскую область и жителям других регионов России. А вопрос о скоростном поезде для безвизового транзита через Литву все еще находится на уровне обсуждений.

Таким образом, эксклавность объективно усиливает зависимость подобных территорий от соседей, их доброй или недоброй воли и иностранных законов, правил и регламентов, касающихся транзитно-визового режима. В случае обострения отношений может возникнуть соблазн «разыграть эксклавную карту», ограничив доступ метрополии в эксклав. Это уже происходит в Центральной Азии, где проблемы доступа в эксклавы являются источником трений между Таджикистаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Так, например, жители села Барак, кыргызского эксклава в Узбекистане, чье население на 100 % состоит из кыргызов, практически лишены возможности поддерживать связь с остальной частью своей страны из-за жестких ограничений, введенных узбекскими властями[3].

Не просто обстоит вопрос и с доступом в анклавы (эксклавы) из соседних стран. С одной стороны, кажется уместным обеспечить безвизовый въезд в эксклав граждан соседних стран (или хотя бы их приграничных районов) с целью преодоления экономической изоляции и налаживания приграничного сотрудничества. С другой — «материнская» страна может опасаться, что подобный режим ограничит ее возможности по контролю доступа в эксклав и приведет к ослаблению связей с другими регионами собственной страны (особенно в случае, если жители эксклава получат в качестве ответного жеста возможность безвизового или облегченного въезда в соседние страны). Очевидно, именно из этих соображений Государственная дума РФ даже не стала рассматривать разработанный в Калининградской области проект о введении в Калининградской области безвизового режима въезда для граждан стран-членов ЕС.

С точки зрения *управления* ключевым является то, что в анклавах (экклавах) трудно отделить внутреннюю политику от внешней, так как

---

[3] *Кожихов А.* Безопасность в Центральной Азии. Очаги межэтнического напряжения в Центральной Азии. Центр внешней политики и анализа http://www.cvi.kz/text/Safety/Etnic.html

многие внутренние вопросы здесь затрагивают отношения с третьими странами. Из-за этого и разделение предметов ведения и компетенции, привычное для «внутренних» регионов страны, здесь не работает или дает сбои. Логичным было бы предоставление органам власти эксклава дополнительных полномочий (особенно в отношениях с соседними государствами). Однако «материнские» страны, подспудно опасающиеся отделения эксклава или утраты контроля над ним, как правило, на это не идут. Скорее дело обстоит наоборот. Центр пытается усилить свое присутствие в эксклавном регионе. Это, в общем-то понятное стремление контролировать ситуацию в максимально возможной степени, имеет, однако, большие шансы перерасти в мелочную опеку и бюрократизм, в то, что политические аспекты управления начнут доминировать над социально-экономическими. Если при этом сохраняются региональные органы власти, то будет происходить дублирование функций и перманентные конфликты между ними и представителями Центра в эксклаве. Если же Центр полностью берет на себя управление эксклавом, то далекой «материнской» стране, которая часто не слишком хорошо разбирается в его повседневных проблемах анклава, придется брать на себя функции, которыми в обычных условиях занимаются администрации регионов или мэрии. При этом ключевые вопросы все равно придется решать в Центре, что в конечном итоге из-за чрезмерной бюрократизации и усложненности процедур может отпугнуть от эксклава потенциальных инвесторов.

Так или иначе нахождение разумного баланса между самостоятельностью и централизованным контролем является одним из важнейших вопросов, которые необходимо решать по отношению к анклавам (эксклавам). Очевидно, универсального решения, пригодного для любой ситуации и на все времена, предложить нельзя.

Прогнозы развития для эксклавов еще более сложны, чем для «обычных» регионов. Так, попытка спрогнозировать *жизненный цикл эксклава*, основываясь на мировом опыте, на наш взгляд, не имеет шансов. Неустойчивость внешних условий развития анклавных территорий, которым всегда приходится оказывать государственную поддержку, определяет их недолговечность по сравнению с суверенными государствами. Стадии их развития также деформированы[4], поскольку как зарождение и возникно-

[4] Имеются различные периодизации этапов жизни объекта. *А.Ю. Скопин*, например, выделяет следующие стадии развития любых объектов: Предбытие (возникновение идеи об объекте и условий ее реализации); собственно Бытие: зарождение и возникновение, рост, развитие, стабилизация, деградация, уменьшение, исчезновение; Послебытие (память об объекте). — *Скопин А.Ю.* Введение в экономическую географию. М.: Владос, 2001. С.33.

вение, так и исчезновение эксклавов обычно не зависят от объективного развития самого государства и часто являются следствием волевых политических решений. Применительно к территории, которой сейчас является Калининградская область, именно политические решения были определяющими каждый раз, когда она становилась эксклавом.

Таким решением был приход на землю пруссов Немецкого (Тевтонского) ордена в первой четверти XIII века, и эта территория надолго стала германизируемым эксклавом в польско-литовском окружении. Затем, после разделов Польши, образовался широкий коридор между Восточной Пруссией и Бранденбургом, сначала в составе Пруссии, а затем Германской империи, и эксклавность на некоторый период была преодолена. Но после окончания Первой мировой войны Восточная Пруссия вновь стала германским эксклавом, отделенным от основной территории страны польскими землями. В 1939 г. Польша была оккупирована Германией, и до 1945 г. была восстановлена сухопутная связь Восточной Пруссии с остальной Германией. Вхождение этой территории в 1945 г. в состав Советского Союза положило начало ее новой эксклавности — сначала как эксклава РСФСР в составе одного государства, а в 1991 г. — как советского эксклава, отделенного Литвой после ее выхода из СССР от остальной части страны, а после распада СССР — как эксклава Российской Федерации.

Сложно прогнозировать для эксклава и все остальные стадии: роста, развития, стабилизации и т. д., вплоть до его исчезновения. Поэтому сейчас применительно к Калининградской области даже трудно сказать, на какой из стадий эксклавного развития (скорее, речь идет о стадиях роста или развития).

Проблемы управляемости эксклавов тесно связаны с проблемами безопасности. Эксклавы могут стать базами для нападения на соседние государства (как это произошло с Данцигом при нападении на Польшу в 1939 г.) или базами для вооруженной оппозиции, действующей против «материнского» государства (так экстремисты-боевики из Исламского движения Узбекистана пытались прорваться к узбекским и таджикским анклавам, расположенным в глубине кыргызской территории[5]). Испанские анклавы в Марокко и Пиренеях использовались для подготовки мятежа 18 июля 1936 г., положившего начало Гражданской войне в Испании[6]. В эксклавах, трансформирующихся из военных в экономические,

---

[5] *Акимов Турар.* Анклавный вектор войны. 2000-09-27 http://www.bishkekchamber.kg/BC_news/Kyrg/B_o_2.htm

[6] Войска генерала Франко были переброшены в Испанию немецкой военно-транспортной авиацией из испанских анклавов в Марокко.

требуются специальные меры по предотвращению попадания оружия (особенно массового уничтожения, если таковое имеется) в руки террористов и сепаратистов. Риски безопасности могут также возникнуть из-за нелегальной миграции и преступности, поощряемых экономическими особенностями и особым регулированием или географическим положением. Так, испанские анклавы Сеута и Мелилья в Марокко являются перевалочными базами для контрабанды в Испанию через Гибралтарский пролив (в том числе и наркотиков). Общеизвестны проблемы с контрабандой через российско-польскую и российско-литовскую границы в Калининградской области РФ, в которой задействованы граждане всех трех сопредельных стран.

Для *экономики* анклавных (эксклавных) территорий в силу их небольшого населения характерен недостаточно емкий внутренний рынок, ограничивающий развитие региональной промышленности. Работа же на рынки «материнской» страны осложнена высокими транспортными издержками, таможенными и пограничными процедурами при пересечении границы (иногда не одной), носящими бюрократический характер и требующими времени. А переориентация внешних связей анклава (эксклава) на сопредельные иностранные государства, помимо объективных трудностей, грозит дальнейшим ослаблением экономических связей с «материнским» государством, что в итоге может ослабить и связи политические.

Вариантом решения экономических проблем эксклава может быть придание ему статуса свободной (особой) экономической зоны или введение иных специальных режимов (оффшор). При этом, однако, государство должно контролировать такие зоны с тем, чтобы они, в частности, не были использованы для транзита в «материнскую» страну прямого импорта под видом локализованного производства (сборки). Кроме того, очень часто внешняя неопределенность, складывающаяся вокруг эксклавов, их зависимость от внешних факторов препятствуют долговременному экономическому планированию и инвестированию. В результате вместо крупных инвесторов анклавы (эксклавы) притягивают так называемых «муравьев», по терминологии С. Нис (или «челноков»). Это преимущественно мелкие торговцы, пользующиеся торговыми преимуществами, возникающими из-за экономического перепада (например, разницы цен на некоторые товары) между анклавом и его окружением. Но перепады не могут быть бесконечными, и такой бизнес, разумеется, не может служить сколько-нибудь долговременной основой экономического развития (не говоря уже о его криминализованности и широком использовании «серых схем» для уклонения от налоговых и

таможенных платежей). В то же время в случае дружественных отношений между «материнским» государством и странами, окружающими эксклав, может быть создана зона свободной торговли или применены иные механизмы, облегчающие сотрудничество (еврорегионы, пилотный регион, регион сотрудничества и др.).

Эксклавность, несомненно, влияет на *культуру и идентичность* местного населения. Они в свою очередь во многом определяются его *этнодемографическими* характеристиками и особенностями формирования. Например, население Калининградской области как своеобразного «региона переселенческого социализма»[7] сформировалось за счет организованного переселения, прежде всего из других регионов России (в меньшей степени из Белоруссии и Украины). Существенные изменения в социокультурный климат эксклава внесли мигранты 1990-х гг., прибывшие из других республик бывшего СССР (в первую очередь из Казахстана). По мнению некоторых аналитиков, эти миграции в значительной степени деформировали облик калининградского социума, привели к усилению его экономической, культурной и психологической раздробленности[8]. Иное дело, когда население эксклава связано с этой землей веками истории, как это характерно, к примеру, для большинства эксклавов в зарубежной Европе.

С другой стороны, по своему национальному составу население Калининградской области не сильно отличается от среднего по России. Это определяет социальные и этнодемографические связи населения за пределами эксклава, ориентированные на «большую» Россию. Хотя миграции 1990-х гг. несколько переориентировали эти контакты в направлении стран, из которых приехали «новые мигранты» (Казахстан, Узбекистан, Азербайджан и т. д.). Бывают, однако, и иные ситуации. Так, например, узбекский эксклав Сох в Кыргызстане населен почти исключительно этническими таджиками (99 % населения). Понятно, что в этом случае ситуация с идентичностью и социокультурными и этнодемографическими связями населения представляется весьма запутанной.

Что касается социальных контактов эксклавов с окружающими территориями, то тут возможен широкий спектр ситуаций. Так, например, жители бельгийских эксклавов в нидерландском муниципалитете Баарле-Хертог (Baarle-Hertog) и нидерландских эксклавов в бельгийском муниципалитете (Baarle-Nassau) поддерживают хорошие отношения

---

[7] *Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* Калининградские альтернативы / Калинингр. ун-т. Калининград, 1995. С.87.

[8] См.: *Денисенков А.* Мирная оккупация. Приезжие все больше влияют на метаморфозы // Эксперт Северо-Запад. 2001. № 16 (45). С. 40—43.

друг с другом и с окружающими их государствами. Это объясняется прежде всего тем, что Бельгия и Нидерланды — союзные страны, входящие в ЕС, НАТО и Шенгенское соглашение. Кроме того, оба Баарле вплоть до 1860 г. входили в один католический приход, а также совместно использовали вересковые пустоши (*heathlands)*. По данным некоторых источников, именно общий приход и совместное использование пустошей сделали население эксклавов единой общностью (*community*)[9].

Совершенно иная картина складывается вокруг эксклавов в Центральной Азии. Так, узбекская армия, опасающаяся прорыва сюда боевиков Исламского движения Узбекистана заминировала некоторые территории Кыргызской Республики вокруг узбекских эксклавов Сох и Шахимардан (на глубину от 100 до 250 м от линии границы). Это создало серьезную опасность для местных жителей и животноводов: произошел ряд инцидентов, во время которых погибли люди, а также домашний скот местных жителей Кыргызстана. По всему периметру Соха установлены узбекские пограничные, милицейские и таможенные посты. На них вооруженные автоматами солдаты с пристрастием досматривают легковые и грузовые автомашины и проверяют документы граждан, пересекающих границу[10].

В результате отношения между двумя ближайшими соседями, ранее имевшими тесные личные и хозяйственные связи, стали более прохладными, а связи — непрочными.

Эксклавы могут быть привлекательны для мигрантов, о чем, в частности, свидетельствует опыт калининградского эксклава. Очевидно, что существенную роль здесь сыграла близость региона к зарубежной Европе, расширяющемуся Евросоюзу. Но, кроме того, очевидно, сказалась и общая для всех эксклавных территорий привлекательность для торговцев, контрабандистов или других групп населения, умеющих пользоваться особыми правовыми нормами[11]. С другой стороны, неуверенность в будущем может повлиять на приток населения и, наоборот, усилить миграцию жителей (особенно в трудоспособном возрасте) из эксклава. Так, в 1960-е годы Западный Берлин считался «городом пенсионеров и вдов»[12].

---

[9] Baarle-Nassau/Baarle-Hertog http://ontology.buffalo.edu/smith/baarle.htm

[10] См.: *Панфилова В.* Проверено — мины есть // Независимая газета. 2002. 18 янв.; *Рыскулов К.* «Ключевую воду не замутишь» (узбекская поговорка) // Слово Кыргызстана 14.02.03 http://www.kabar.kg/03/Feb/14/46.htm; *Жумагулов С.* Кыргызско-узбекские анклавные проблемы // Информационно-аналитический бюллетень «Этнический мир» http://www.assamblea.kg/em11—1_4.htm

[11] *Нис С.* Указ. соч. С. 97.

[12] Там же.

Пространственная удаленность может ослабить ментальные и социокультурные связи между эксклавом и «материнской» страной. Ряд государств пытался воспрепятствовать этому при помощи специальных программ, стимулирующих двустороннее движение населения. Например, земли ФРГ включили в школьные программы дотируемые поездки в Западный Берлин, а боннское правительство финансировало строительство дорог туда. В Калининградской области проводятся акции «Дети России едут в Россию», но они не носят системный характер. В связи с этим представляется целесообразным разработать, принять и ввести в действие специальную федеральную программу развития и укрепления экономических, социальных и культурных связей между Калининградской областью и другими российскими регионами.

Удаленность эксклава от «материнской» страны и местные особенности со временем могут привести к формированию собственной идентичности. Это в свою очередь, при определенных обстоятельствах может привести к разногласиям с метрополией и даже к развитию сепаратистских настроений. С другой стороны, осознание жителей эксклава себя как территориальной общности, ощущение ее «как малой Родины» может стать дополнительным фактором ускорения социально-экономического развития и благоустройства эксклавной территории.

Проживание в эксклаве сказывается, как считают некоторые авторы, и на психологии жителей. По мнению *С. Нис,* «у анклава, как правило, короче временной горизонт, субъективное восприятие времени и свои представления об ожидаемых изменениях. Краткая временна́я перспектива и зависимость от решений удаленного на значительное расстояние Центра создают благоприятные предпосылки для возникновения и распространения слухов и мифов о судьбе анклава. Им благоприятствуют представления жителей анклава о том, что их положение и судьба коренным образом отличаются от положения и судьбы других граждан, что ситуация может быстро и непредвиденно измениться, а повлиять на ход событий практически невозможно»[13].

[13] *Нис С.* Указ. соч. С. 98.

Т.Р. Гареев, Ю.М. Зверев, А.П. Клемешев

Глобализация и (не)однородность мирового пространства

Принципиальный вопрос: ведет ли глобализация к выравниванию пространственных различий, увеличивает их, или процессы глобализации и пространственной дифференциации независимы друг от друга?

Для ответа на него прежде всего нужно определить понятие глобализации.

Глобализация, по *Р. Робертсону*, процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена и т. п.[1]

На философском уровне глобализация воспринимается как своего рода «наука нового времени» — глобалистика, в которой изменяются «субъект-объектные отношения», объект теснее смыкается с субъектом. «Глобализация как процесс и структура объективно данного порядка не мыслима вне носителя представлений о ней, безотносительно всей совокупности знаний о глобализации, как научного, так и не и вне научного»[2].

На прагматическом уровне голландские исследователи отмечают, что глобализация — абстрактный процесс снижения значимости географических расстояний из-за высокой интенсивности экономических, политических и социокультурных взаимодействий[3]. Таким образом

---

[1] www.glossary.ru.

[2] *Чешков М.* Взгляд на глобализацию через призму глобалистики // Материалы международного семинара по проблемам глобалистики / ИМЭМО РАН. М., 2001.

[3] *Lubbers R., Koorevaar I.* Primary Globalisation, Secondary Globalisation, and the Sustainable development paradigm — Opposing forces in the 21st Century. Expo 2000. OECD Forum for the future. 1999.

подчеркивается важная характеристика процесса глобализации — интенсивность взаимодействий (interactions intensity).

Результатом глобализации выступает глобальное пространство, т. е. некоторая область действительности для объектов, в которой действуют установленные законы (или закономерности) и стандарты, определяющие относительные положения этих объектов. Объекты единого пространства подчиняются действию единых законов, но при этом не являются одинаковыми, имеют разную динамику и расположение в пространстве.

В узком смысле под глобализацией и понимается феномен объединения и искривления экономических, политических, социокультурных пространств и в конечном счете их взаимопроникновения под воздействием технологических изменений и экологических ограничений. Признавая абстрактность данного подхода, его можно наполнить конкретным содержанием, понимая под *пространством* область действия единых законов, правил и закономерностей. Причем важно подчеркнуть, что законы, определяющие *социально-экономическое пространство*, это в первую очередь *законы стоимости* (и инвестиций) и *стандарты потребления*, а не юридические нормы, которые скорее определяют политическое *пространство*. Соответственно можно выделить экономическую, социальную и политическую (а, возможно, также и экологическую) *гиперглобализации*.

В данном контексте мы разделяем экономику и политику, хотя существует довольно большой соблазн согласиться с мнением В. Ленина о том, что *политика — это концентрированное выражение экономики*. Не случайно существуют мыслители, возвращающиеся к социалистическим теориям при объяснении глобализации, а движение *антиглобалистов* тесно ассоциируется с социалистическим или националистическими политическими течениями. Избегая идеологических споров, выразим только мысль, что экономика (в лице предпринимателей) и политика (в лице государств) выступают главными заказчиками (покупателями), а следовательно, и распространителями (проводниками) глобализации.

От экономических и политических аспектов глобализации необходимо обособить социальные интересы, отражающие, возможно, наиболее противоречивые, цивилизационные аспекты этого процесса. Относительная самостоятельность социума по сравнению с экономикой и политикой объясняется различиями проводников глобализации, в качестве которых здесь выступают не ТНК и государство, а социально-территориальные общности людей, развитие которых подчиняется собственным законам.

Экономическая глобализация — тенденция к образованию всемирной инвестиционной среды и интеграция национальных рынков капиталов[4]. Иначе говоря, это совокупность процессов пространственного слияния

[4] www.glossary.ru

рынков капиталов, товаров, услуг и финансовых инструментов, которые ускоряются под воздействием конкуренции на уровне инновационных технологий. «В практическом плане глобализация означает, прежде всего, уменьшение барьеров между различными экономиками, что способствует торговому взаимообмену»[5].

«Глобальная экономика представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики. Согласно *Фернану Броделю* и *Иммануэлю Валлерстайну*, под мировой экономикой понимается такая система, где процесс накопления капитала происходит по всему миру, и она существует на Западе по крайней мере с XVI в. Глобальная экономика представляет собой нечто другое: это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты»[6].

Глобальная экономика не означает однородности мирового экономического пространства. Информационные технологии, ставшие необходимым условием глобализации, подвержены поляризации в еще более очевидной форме, чем даже материальное производство[7]. Причем именно промышленные районы часто являются основой для узлового развития инфраструктуры новой информационной экономики[8], так что степень прежней поляризации стран и районов усиливается.

Природа процессов развития неодинакова в различных пространствах уже потому, что в них действуют разные законы. Рыночные, смешанные, плановые и переходные экономические системы, а также развитые, развивающиеся и менее развитые страны представляют собой *разные* экономические пространства[9].

Неоднородность экономических пространств определяет то, что «архитектура глобальной экономики отображает асимметрично взаимозависимый мир, организованный вокруг трех главных экономических регионов и все более поляризующийся по оси противостояния между продуктивными, процветающими, богатыми информацией областями и областями обездоленными, экономически и социально обесцененными»[10].

Относительную однородность мирового экономического пространства задают наиболее мощные в экономическом отношении *государ-*

---

[5] *Уткин А.И.* Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. С.35.
[6] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, власть и общество. М., 2000.
[7] *Ding L., Lui X.* Growth Pole Theory and its Implications on the Evolution of Internet and Internet Industry in the United States. 2001.
[8] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, власть и общество. М., 2000.
[9] См.: *Гареев Т.Р.* Организационно-экономические аспекты формирования полюсов развития в регионе (на примере производственно-коммерческой зоны в Калининградской области): Дис. … канд. экон. наук. Калининград, 2004.
[10] Там же.

ства, инициировавшие создание ВТО и определяющие ее правила, использующие преимущества в мировом масштабе своей валюты. Многие государства объединяют свои рынки в единое экономическое пространство, образуя региональные экономические блоки, и ЕС уже создал собственную валюту, конкурирующую с долларом. С другой стороны, одной из важнейших составляющих понятия «суверенитет государства» были и пока остаются государственные границы, которые служат серьезным *барьером* для материализованных потоков. Так что роль государства в экономической глобализации неоспорима.

Но среди экспертов нет единства в ответе на вопрос: кто является главным агентом экономической глобализации — государство или транснациональные корпорации? Многие исследователи, особенно из развивающихся стран, склонны противопоставлять деятельность национальных государств и транснациональных корпораций. Такая точка зрения кажется правильной, если рассматривать не особенности формирования мирового *экономического пространства*, а интенсивность *связей*, его объединяющих.

Поскольку экономические, финансовые, коммуникационные *связи* между различными частями мира устанавливают ТНК, то логично предположить, что именно они являются главными агентами экономической глобализации. К сожалению, достаточно четко проследить все механизмы деятельности ТНК невозможно, так как теория ТНК находится в самом зачаточном состоянии[11].

Совместные действия государства и ТНК на основе общей выгоды обосновывает *Дж. Сорос*, который утверждает: «Чтобы понять, почему рыночный фундаментализм и американская гегемония тесно связаны друг с другом, важно осознать, что глобальные финансовые рынки приносят выгоду странам, находящимся в центре международной рыночной системы, в особенности США. Финансовые рынки «всасывают» большую часть сбережений и прибыли, создаваемых во всем мире, перекачивают их в центр, откуда они затем вновь отправляются на периферию либо непосредственно через финансовые инструменты вроде акций и облигаций, либо опосредованно через транснациональные корпорации. Центр является поставщиком финансовых и всех прочих услуг, начиная от информации и высшего образования и заканчивая развлечениями, и одновременно «базой» для большинства транснациональных корпораций. Поэтому он получает львиную долю всех доходов»[12].

---

[11] См.: *Кругман П.Р., Обстфельд М.* Международная экономика: теория и политика. 5-е изд. СПб.: Питер, 2004.

[12] *Сорос Дж.* Джордж Сорос: 47 тезисов о глобализации // Вестник Европы. 2001. № 2. http://www.archipelag.ru/

Экономическая глобализация в процессе развития во все большей мере приобретает следующие основные черты.

1. Формирование мирового экономического пространства, все более подчиняющегося общим правилам (закрепленными участием государств в международных организациях, включающих большинство стран мира).

2. Повышение роли *связей* внутри экономического пространства, находящее отражение в изменении акцентов системного подхода при экономическом анализе: изучение *формирования сетей* в противовес прежнему доминированию исследований *комплексов* (ядер).

3. Активная роль в процессах глобализации ведущих в экономическом отношении стран.

4. Возрастание роли ТНК, которые становятся важнейшими агентами (проводниками) глобализации.

5. Качественные изменения в скорости и объемах коммуникаций (вещественных и информационных).

6. Быстрый рост объемов мировой торговли, изменение ее структуры в пользу наукоемких товаров и услуг.

7. Активная интеграция финансовых рынков.

8. Появление и расширение сферы деятельности всемирного права.

9. Все более важная политическая роль международных институтов, в том числе ТНК; ограничение реальной власти национальных правительств в решении экономических вопросов.

10. Воздействие *экономической* глобализации на социум: культуру, мораль, жизненные ценности населения.

11. Фрагментация глобального пространства вследствие разного и с неодинаковой интенсивностью участия отдельных его подпространств в мирохозяйственных взаимодействиях.

12. *Регионализация* экономической деятельности вследствие ее дальнейшей поляризации.

Этот последний (по порядку, но не по значению) пункт, касающийся регионализации в период глобализации, для нашего исследования особенно важен, и ниже мы остановимся на нем подробнее.

Крайне противоречива и *социальная глобализация.*

Казалось бы, новейшие средства коммуникаций способствуют интеграции культур, растущая доля массовой культуры обусловливает все новые черты сходства людей. Современный мир в силу усилившихся интеграционных процессов становится во многих отношениях все более похожим, «глобальным». Появились такие понятия, как «глобальное мышление», «глобальная ответственность». Но параллельно развиваются не менее значимые процессы социально-экономического, культурного, языкового расслоения общества, в том числе в территориальном

разрезе. Различия цивилизаций под воздействием глобализации не уменьшаются (о чем свидетельствует хотя бы само возникновение гипотезы «столкновения цивилизаций» *С. Хантингтона*, идеи смены «железного занавеса» между Россией и Западом бархатным и пр.), хотя у них появляются и некоторые общие черты, вызванные все возрастающим распространением новых средств коммуникаций.

В докладе Группы высокого уровня ЕС (High-Level Advisory Group), инициированном Президентом Еврокомиссии *Романо Проди* и опубликованном в материалах Европейской комиссии в 2004 году, указывается, что процесс глобализации неоднозначен. Он направлен как на развитие, так и трансформацию составляющих территории общностей. Речь идет о том, что процесс распространения идентичности сопровождается процессом маргинализации. Сегодня говорят о новом этапе глобализации, усиливающей как никогда региональный компонент и требующей разработки новых парадигм[13]. Как шаг в этом направлении ЕС разработана программа «Европа-2010», в которой глобализация рассматривается в различных аспектах: территориальном, духовном, демографическом и др., и во многих случаях отмечаются ее негативные аспекты.

Нестабильность существующих систем и слабость социальных общностей определяет то, что глобализация, способствуя развитию экономических, социальных, финансовых структур социальных общностей, раскрывает и усиливает как их преимущества, так и недостатки. С одной стороны, глобализация стимулирует процесс внутреннего изменения существующих структур, обеспечивает этим структурам поиск саморазвития. В то же время в своих уродливых формах она ведет к трансформации менее устойчивых культур и образованию некоего искусственного и нежизнеспособного конгломерата цивилизаций.

Как пишет *И.С. Семененко*, «вывод об однозначном доминировании в глобализирующемся мире тенденции к росту культурного единства вряд ли правомерен. Формирование единого информационного пространства и универсализация потребительских стандартов не снимают проблемы поддержания “разнообразия” (как характеристики идентичности), а кажущаяся безвариантность глобализации по неолиберальному сценарию стимулирует поиск альтернатив»[14].

---

[13] Report by the High-Level Advisory Group established at the initiative of the President of the European Commission. Dialog between peoples and cultures in the Euro-Mediterranean area.: Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2004.

[14] *Семененко И.С.* Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования. 2003. www.politstudies.ru/fulltext/2003/1/2.htm

В пользу тезиса о том, что тенденции к глобальному культурному единству пока не являются доминирующими, *И.С. Семененко* приводит данные европейского обследования ценностей, согласно которым с миром в целом или с континентом отождествляют себя лишь 11 % жителей планеты (тогда как со страной — 29 %, а с городом или провинцией — 57 %)[15].

Противоречивость процесса социальной глобализации четко отражают результаты исследований процессов европейской интеграции, которая создает широкую платформу для усиления социальных контактов между населением разных стран. Исследователи отмечают, что интенсификация миграционных процессов в ЕС даже ведет к формированию в ряде регионов биполярной идентичности[16].

Вместе с тем все более широко распространяется мнение, что внутри Европейского союза создается некий образ коллектива, противопоставляющегося «другим», которые также являются некими собирательными образами[17].

Отмечается, что представления Европы о самой себе все более становятся результатом манипуляции, включающей конструирование образов нежелательных «других», которые создают дихотомию того, что можно считать европейским, и того, что не является таковым[18]. В результате возникает и усиливается новая социальная дифференциация между Европейским союзом и «остальным миром».

Политическая глобализация означает, как полагают многие исследователи, конец *Вестфальской, или государственно-центрической, модели (системы) мира*, в основу которой была положена идея национального государства (*nation-state*)[19]. Государственный суверенитет, ранее бывший незыблемым, подвергся ограничениям как «сверху» (со стороны международных организаций и институтов, включая ТНК), так и «сни-

---

[15] См. там же. Правда, можно сказать и так: «***Уже 11 %*** жителей планеты отождествляют себя с миром в целом или с континентом».

[16] *Intercultural dialogue. Dialogue interculturel.* Brussels, 20 and 21 March 2002. European Commission. DG for Education and Culture. P.189.

[17] *Banus E.* Introductory report. The European Union: a space for intercultural dialogue // Intercultural dialogue. Dialogue interculturel. Brussels, 20 and 21 March 2002. European Commission. DG for Education and Culture. P.188.

[18] *Boyce B.* The role of Islam in Europe's search for a common cultural identity // E. Banus, B. Elio (eds) // Actas del IV Congreso 'Cultura Europea', Pamplona, 1998. P. 305—311.

[19] См. подробнее: *Зверев Ю.М.* Государство в эпоху глобализации: конец или трансформация?

зу» (со стороны активно выходящих на международную арену внутригосударственных регионов[20]).

По мнению *гиперглобалистов (К. Омае (Ohmae), С. Стрейндж (Strange), Е. Луард (Luard), М. Элбро (Albrow) и др.)*, в результате глобальных процессов (прежде всего экономической глобализации) национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества будут постепенно вытеснены новыми формами социальной организации.

Эти представления тесно смыкаются с геополитическими идеями так называемых *«мондиалистов» (mondialism)*, оперирующих такими понятиями, как *конец истории, единый мир (One World)* и *новый мировой порядок (the New World Order)*. Мондиалистские доктрины (*Ф. Фукуяма (Fukuyama), Ж. Аттали (Attali)* и др.) предусматривают переход от множественности наций, государств и культур к униморфному миру, основанному на принципах либеральной демократии и рынка (вплоть до создания «мирового государства» и «мирового правительства»).

Другие ученые, которых относят к лагерю *скептиков (П. Гилпин (Gilpin)*, *П. Хирст (Hirst), Дж. Томпсон (Thompson), Л. Вейсс (Weiss)* и др.), наоборот, считают, что роль государств в регуляции и содействии экономической активности, пересекающей национальные границы, растет. По мнению Ф. Хелда и др., «правительства — не пассивные жертвы интернационализации, а ее главные архитекторы»[21]. Даже названия работ скептиков полемизируют с названиями трудов гиперглобалистов: сравним, например, «Миф о бессильном государстве» *(The Myth of the Powerless State) Л. Вейса* (1998) и «Конец национального государства» *(The End of The Nation State) К. Омае* (1995).

И наконец, существуют *трансформисты (Э. Гидденс (Giddens)*, *М. Кастелс (Castells)*, *Дж. Гудман (Goodman), Дж. Розенау (Rosenau)*, *Дж. Рагги (Ruggie)* и др.), чье мнение по поводу судьбы государства в эпоху глобализации нам ближе, чем точки зрения гиперглобалистов и скептиков. Они полагают, что глобализация «перестраивает или «переиначивает» власть национальных правительств»[22]. Она все больше сочетается с растущей юрисдикцией институтов международного правления и давлением международного права. Но тем не менее значительная часть административных, экономических и культурных функций государства (как внут-

---

[20] Так называемый «регионализм», или, как иногда пишут, даже «революция регионов».

[21] *Хелд Д.* и др. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Пер с англ. М.: Праксис, 2004. С. 6.

[22] Там же. С. 9.

ренних, так и внешних) сохранится. Несмотря на определенную трансформацию, государства будут оставаться важными (но уже не единственными и даже не главными) мировыми акторами еще достаточно долго.

После окончания холодной войны закончилась и эпоха *биполярного* мира, когда в мире доминировали две сверхдержавы — США и СССР. Но что пришло ему на смену? Стал ли мир *монополярным* (*однополярным/однополюсным, униполярным*) или в нем все же выделяется несколько центров силы (*многополярный/многополюсный мир*)?

Монополярная модель мира характеризуется гегемонией первой и единственной мировой державы, Соединенных Штатов Америки (такой однополюсный мир во главе с США иногда называют Pax Americana). Как указывают американские исследователи *С. Брукс* и *В. Вольфорф*, «сегодня… Соединенные Штаты не имеют соперников в любом критическом измерении мощи. Никогда не существовало такой системы суверенных государств, которая имела бы в своем составе одно государство с такой степенью доминирования»[23].

Америка пожинает плоды своего военного, экономического, технологического и культурного[24] доминирования. В мире широко распространено мнение о том, что США уже превратились или превращаются в «империю», чьи претензии и интересы охватывают весь мир[25]. Но это империя «нового типа». «В отличие от прежних империй, эта обширная и сложная глобальная система не является иерархической пирамидой. Напротив, Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия»[26]. Глобализационные процессы в этой модели мира

---

[23] *Brooks S.* and *Wohlforth W.* American Primacy in Perspective // Foreign Affairs. July / August 2002. P. 26.

[24] Хотя, говоря об американской культуре, даже такой апологет США, как Збигнев Бжезинский, вынужден сделать примечательную оговорку — «несмотря на ее некоторую примитивность» (*Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 36).

[25] С 1 октября 2002 г. впервые в истории в мире нет ни одной пяди земли, которая бы не находилась в зоне ответственности одного из региональных военных командований США (включая Антарктику). Не является исключением и Россия, которая впервые оказалась в зоне ответственности американского военного командования — Главного командования в Европе (EUCOM).

[26] *Бжезинский З.* Указ. соч. С. 40—41.

тоже рассматриваются как процессы распространения на мир американского политического, экономического и социокультурного влияния — «мир не глобализируется, он американизируется»[27]. Или, глобализация — «…это глобализация американской культуры и символов. Это глобализация всего лучшего и худшего в Америке»[28].

В то же время некоторые исследователи справедливо считают, что, несмотря на доминирование в некоторых сферах (особенно в военной), Америка отнюдь не обладает мировой политической властью. Так, по мнению *Джозефа С. Ная (Nye),* мир напоминает трехмерную игру в шахматы, будучи однополярным лишь в военном измерении. Но и здесь США не могут обойтись без поддержки других государств, о чем свидетельствуют и Балканы, и Афганистан, и Ирак.

На экономическом же уровне мир многополярен. Здесь США ведут острую конкурентную борьбу с ЕС, Японией и все более с КНР. При этом положение Америки в мировой экономике в последние годы по ряду позиций далеко не блестяще. Она теряет превосходство даже в тех высокотехнологичных секторах промышленности, где ее компании традиционно лидировали. К примеру, в 2003 г. западноевропейский консорциум Airbus впервые поставил заказчикам больше пассажирских авиалайнеров, чем американский Boeing. Ухудшаются внешнеэкономические позиции страны. Так, в 2003 г. США уступили первое место в мире по экспорту товаров Германии, а дефицит их внешнеторгового баланса составил более 580 млрд долларов[29]. Резко снизилась привлекательность США для иностранных инвесторов: объем прямых иностранных инвестиций, привлеченных страной за 2000—2003 гг., сократился более чем в 10,5 раз (с 314 до 29,8 млрд дол.) — самого низкого уровня за последние 12 лет. По этому показателю страна с первого места в мире откатилась на четвертое. Из 25 крупнейших нефинансовых ТНК мира по размерам заграничных активов сейчас только пять американских[30].

Третьим мировым измерением являются глобальные трансакции (от электронных финансовых переводов до трафика оружия террористическими организациями и наркотрафика), имеющие особое значение для

---

[27] *Sorrel M.* Naming a New Era: Branding the New Era // Foreign Policy. Summer 2000. P. 61.

[28] *Фридмен Т.* LEXUS И ОЛИВА. Понимая глобализацию / Пер. с англ. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003. С. 358.

[29] *World Trade Organization.* PRESS/373. 5 April 2004 (02—0000) http://www.wto.org/english/news_e/pres04_e/pr373_e.pdf

[30] *UNCTAD* World Investments Report 2004. http://www.unctad.org/en/docs//wir2004_en.pdf.

США как для бесспорного лидера глобализации. Но здесь никто, в том числе и Америка, не обладает полным контролем[31].

Даже если принять за данность (что, как мы видели, далеко не факт) модель многополярного мира с безусловной гегемонией США, то она имеет свои временные пределы. Как показывает исторический опыт, одна страна, даже если она очень сильная, не в состоянии контролировать или вести за собой мир бесконечно долго. Истощаются ресурсы, снижаются возможности, ослабевает национальная воля. Одновременно растут и набирают силы соперники. Поэтому единоличному лидерству США рано или поздно придет конец. Вряд ли США сможет заменить в этой роли какая-то другая страна или интеграционная группировка (например, КНР или ЕС). Как представляется, маловероятно и возвращение к *биполярному* миру с соперничеством двух сверхдержав.

Неизбежность «конца американской эры» осознают и некоторые американские политологи. Так, например, профессор Джорджтаунского университета, директор Европейского отдела в Совете по международным отношениям *Чарльз Капхен* (*Kupchan*) полагает, что «надежда на долговечность американского величия не только ошибочна, но и опасна»[32]. Поэтому «Америка должна разработать стратегию перехода к мультиполярному миру сейчас, пока есть прекрасная возможность сделать это. Таков главный вызов э*похи заката американского величия*»[33]. Будущий многополярный мир будет состоять из конкурирующих между собой многочисленных центров силы, хотя это не будет возвратом к равновесию силовых систем, подобно сложившемуся в Европе перед Первой мировой войной. По мнению Ч. Капхена, это будут следующие силовые центры:

1) Северная Америка;

2) Европейский союз[34].

3) Восточная Азия, где главную роль будет играть Китай.

Для регулирования взаимоотношений этих центров силы предлагается учредить своеобразный директорат крупнейших мировых держав. Его

---

[31] *Nye J.* Paradox of American Power. N.Y., 2002.

[32] *Капхен Ч.* Закат Америки: Уже скоро (оригинальное название — The End of American Era) / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «Люкс», 2004. С. 25.

[33] Там же. С. 29.

[34] Причем Ч. Капхен считает, что для реализации европейского проекта к ЕС должна присоединиться Россия. Но это произойдет не сразу. Первым же шагом к включению России в новую Европу должно стать ее присоединение к НАТО (в качестве ориентировочной даты предлагается 2010 г.).

членами-основателями должны стать США, Европейский союз, Россия, Китай и Япония. В нем также должны быть представлены главные страны других регионов — Индонезия, Индия, Египет, Бразилия, Нигерия.

В работах других авторов называются в общем-то схожие конфигурации будущего многополярного мира. Так, канцлер ФРГ Гельмут Коль в 1996 г. говорил о мире трех примерно равных по силе блоков — США, ЕС, Восточная Азия. Массачусетский технологический институт также предсказывает формирование трехполюсного мира, основой которого станут США, Европейский союз и Япония. По мнению другой группы аналитиков, возникнут региональные блоки Азии, Европы и обеих Америк во главе соответственно с Японией, Германией и США[35]. Таким образом, можно согласиться с мнением заведующего кафедрой международного права МГИМО МИД РФ профессора *Юрия Колосова*, который полагает, что «однополюсность нам точно не грозит»[36].

Подводя итог краткому анализу различных аспектов глобализации, можно констатировать, что, возможно, единственным общим признаком глобализации является необычайное усложнение мира как с точки зрения его функциональной структуры, так и в пространственном аспекте. По мнению *И.А. Неклессы*, с которым, на наш взгляд, можно согласиться, «процесс, который происходит на планете, возможно, было бы правильнее охарактеризовать как «новый регионализм»: формирование макрорегиональных геоэкономических пространств (или «нового регионального миропорядка») на фоне социального и экономического расслоения мира». Он предлагает назвать ее «в русле модных теперь формулировок — “Глобализация-2”»[37]. Происходит лишь унификация определенных правил игры, повсеместная информатизация, обеспечение прозрачности экономического пространства, установление мировой коммуникационной сети, развитие систем управления. А социально-экономической конвергенции с политическим и социальным единением глобального сообщества, действительно, не наблюдается.

---

[35] *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М.: Изд-во ЭКСМО, 2002. С. 321.

[36] «Однополюсность нам точно не грозит». Газета. Ru. 17.02.2003. http://www.gazeta.ru/2003/02/17/odnopolusnos.shtml

[37] Этос глобального мира. М.: Горбачев-фонд, Восточная литература РАН, 1999 / www.archipelag.ru/text/019.htm

Об авторах

Клемешев Андрей Павлович — ректор Калининградского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, научный директор БалтМИОНа;

Зверев Юрий Михайлович — начальник Управления научно-исследовательских работ Калининградского госуниверситета, заместитель руководителя научного направления БалтМИОНа;

Гареев Тимур Рустамович — директор Центра делового образования Калининградского госуниверситета.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОНов), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231.
Электронная почта: info@ino-center.ru
Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который своими исследованиями и книгами о России сыграл важную роль в улучшении понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона,

он ценит свою независимость от политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и с наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д.* и *Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению их результатов, просвещения и профессиональной подготовки, практической деятельности.

Научное издание

Регион сотрудничества
Вып. 14 (39)

Глобализация и регионализм:
теория и проблемы калининградского эксклава

Редактор Н.Н. Мартынюк. Корректор Н.Н. Генина
Оригинал-макет подготовлен И.А. Хрусталевым

Подписано в печать 30.12.2004 г. Бумага для множительных аппаратов.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Таймс». Ризограф.
Усл. печ. л. 3,2. Уч.-изд. л. 2,6. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Калининградского государственного университета
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14